

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ РОССИЙСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЧИНОВНИКА РУБЕЖА XIX-XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ КОРПУСА ЗЕМСКИХ УЧАСТКОВЫХ НАЧАЛЬНИКОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Н.В. Башкирева

Воронежский государственный педагогический университет
(г. Воронеж, РФ)

Характерной чертой российской политической культуры является персонификация власти, в связи с чем нередко в обыденном представлении отношение к органам управления зависит от действий конкретных чиновников. Особенно отчетливо эта зависимость проявляется на «местном» административном уровне. При этом, зачастую, даже единичный отрицательный опыт взаимодействия с властью формирует у населения негативный собирательный образ современного российского чиновничества. Однако, стоит отметить, что эта тенденция имеет определенные исторические корни, изучение которых может помочь сегодняшним администраторам избежать ошибок в процессе выстраивания отношений с обществом. В данной связи, обращение к анализу социального портрета провинциального чиновника Российской империи в лице корпуса земских участковых начальников Воронежской губернии, представляется, актуальным.

Институт земских начальников, учрежденный в русской деревне в конце XIX века в качестве административно-судебной инстанции, в исторической литературе до сих пор оценивается неоднозначно. Нередко в качестве положительного аспекта его функционирования отмечалось упорядочение системы крестьянского самоуправления, в числе негативных сторон - не только объединение в руках одного должностного лица двух ветвей власти и наличие у чиновников дискреционных полномочий, но и нередкие факты злоупотреблений отдельными управленцами.

Состав корпуса земских начальников регламентировался Положением 12 июля 1889 года, в соответствии с которым, при выборе кандидатов на должности приоритет отдавался местным потомственным дворянам, обладавшим имущественным, образовательным (не ниже среднего) или служебным цензом. Из 233 земских начальников Воронежской губернии, служивших с 1891 по 1917 гг., 90,6% чиновников принадлежали к потомственному дворянству, в том числе 80,3%, - к помещику. 81% управленцев имели высшее и среднее образование, однако преимущественно не позволявшее им иметь подготовку к исполнению судебных функций. Лишь у половины должностных лиц (51,9%) имелся служебный опыт, необходимый для реализации обязанностей земского начальника (1, с. 162-165). Однако столь скромные показатели во многом свидетельствуют о том, что указанная должность изначально была поставлена в довольно невыгодные условия (невысокие оклад и класс, отсутствие карьерного роста, постоянно возрастающий круг служебных обязанностей, жизнь в сельской местности), вследствие чего постоянно пополнять состав института местными

помещиками с высшим юридическим образованием или трехлетним опытом службы в крестьянских учреждениях на практике оказалось невозможным. В результате контингент претендентов был довольно узок, состоя в основном из молодых людей, получивших среднее, зачастую военное, образование и не имеющих опыта службы в крестьянских учреждениях. Преимущественно дворянский состав института (в центральных губерниях) свидетельствовал лишь о том, что высшее сословие рассматривалось как традиционный источник управленческих кадров. Однако со временем состав института стал пополняться представителями других сословий: в 1914 году и.о. земского начальника во 2 участок Валуйского уезда Воронежской губернии был назначен А.А. Миронов, происходивший из обер-офицерских детей (2), а в 3 участок Новохоперского уезда – мещанин В.И. Боговаров (3). В 1915 году 7 участком Острогожского уезда заведовал В.И. Москаленко, происходивший из крестьян (4).

На протяжении всего периода функционирования института министерство внутренних дел пыталось корректировать его состав в сторону повышения уровня подготовки чиновников: отказывало в утверждении кандидатам с недостаточным образовательным или служебным цензом, вводило экзамены при местных губернских присутствиях, учреждало курсы подготовки. Вместе с тем, одной из характерных черт социального состава института являлась определенная нестабильность его кадров. Частая смена чиновников была особенно характерна для многолюдных и, по большей части, менее спокойных участков, как, например, 7 участок Острогожского уезда или 7 участок Бобровского уезда Воронежской губернии, где за 25 лет сменилось по 15 земских начальников. Предреволюционные годы и вовсе отмечены «чехардой» в замещении вакантных должностей, назначении недостаточно подготовленных кандидатов.

Большой вклад в формирование социального портрета земского начальника вносили случаи злоупотреблений и неправомερных действий со стороны чиновников. Подобные инциденты неоднократно имели место в Воронежской губернии. Так, земский начальник 6 участка Бобровского уезда Н. А. Ковалевский в 1891 году присвоил деньги Карачаевского сельского общества, увез из местной церкви понравившуюся ему икону (5), своевольно арестовывал и штрафовал подведомственное население и должностных лиц (6, с. 209-210). Земский начальник 1 участка Павловского уезда И. Н. Данилевский характеризовался отсутствием беспристрастия при разрешении некоторых дел, произволом и даже жестокостью при осуществлении дисциплинарной власти, пределы которой нередко им превышались (7), что, вероятно, и стало причиной покушения на его жизнь 18 сентября 1897 года (8). Произвол другого чиновника – руководителя 5 участка Острогожского уезда П. А. Ренье – привел-таки к его гибели: 22 апреля 1899 года он был убит в столовой собственного дома двумя выстрелами картечью в окно (9).

Должностные злоупотребления земского начальника 3 участка Коротоякского уезда В.П. Троцкого были известны не только среди населения. В 1899 году в земский отдел МВД поступил анонимный фельетон под названием «Провинциальные отголоски». Приведем отрывок из диалога уездного

предводителя дворянства Л. М. Савелова («Осавельи-Нюнин») и Троицкого («Сладкопевцев»).

«- Нюнин: «Да дела Ваши и мои идут очень и очень дурно, так что еле я мог все уладить. Меня ознакомили со всеми жалобами на Вас, а их оказалось более 30 и министру и в Сенат, не говоря уже о губернских властях...»

- «Все это ерунда и пустяки, марать и клеветать могут на всякого и нужны доказательства», - прервал горячо Сладкопевцев...

- Нюнин: «...вот недавно Вашему куму старшине понадобилось взять себе 50 четвертей ржи из общественного магазина, потом же вместо он засыпал свою рожь гнилую и сырую, вот и погнил весь хлеб в магазине, а его более 10 тысяч пудов... А жалованье этому же старшине в 600 рублей с добавлением 400 рублей по Вашему приказанию будто бы на лошадей, когда он ездит на своих?... А заимствование из сельских касс, за что Вы платите волостному начальству неприятием на них крестьянских жалоб? Скажите, верен ли слух, циркулирующий в губернском городе, что будто бы обманули Вы суд, подставив свидетелей и под предлогом давности укрепили за собой, а затем заложили в дворянском банке 76 десятин крестьянской собственной земли, на которую они имеют все документы и которую до сих пор обрабатывают, не зная, что она заложена на Ваше имя».

- Сладкопевцев: «И это все пустяки... Я весьма Вам благодарен, что Вы замяли все эти кляузы, а если даже обстоятельства сложатся неблагоприятно для меня, то ограничатся только выговором, вот и все, жить нам еще можно!» (10).

Данный фельетон во многом отражал действительно имевшие место злоупотребления Троицкого. По словам воронежского вице-губернатора А.М. Чернова, Троицкий установил в участке правило, чтобы, «якобы для пользы службы, мировой сбор доставлялся ему прямо в руки, а он по своему усмотрению назначал и уплачивал должностным лицам своего участка»; неправильно действовал при раздаче лошадей для безлошадных во время голода 1891-1892 гг., что было признано губернским присутствием; «ради поддержания престижа власти, держал на должности невозможного старшину, своего кума Косицына»; препятствовал населению в неурожайный год разобрать хлеб в ссуду из магазинов, в которых по его вине хлеб уже на сотни рублей был испорчен (6, с. 212). В результате десятков жалоб на действия Троицкого, Воронежским губернским присутствием против земского начальника в 1898 году было возбуждено дисциплинарное производство, в ходе которого было решено представить чиновника к увольнению (11).

Определенный штрих к социальному портрету земского начальника добавляли и вредные привычки, не остававшиеся незамеченными для населения. В 1912 году начальник воронежского жандармского управления сообщал губернатору, что 25 марта земский начальник 3 участка Валуйского уезда В. А. Тихобаев принимал в своем доме гостей – пристава 2 стана и волостного писаря. После угощения вся компания, изрядно охмелев, отправилась с визитом к местному торговцу, где продолжилась «попойка до опьянения». До полного же опьянения действующие лица дошли в гостях уже у местного священника, откуда направились к приставу, поддерживая друг друга под руки, чтобы не

упасть. Веселье закончилось неожиданно – в результате возникшего спора между приставом и земским начальником завязалась драка, в ходе которой пристав бросил горящую лампу в Тихобаева, но не попал и последний убежал к себе домой (12). Пристрастием к спиртным напиткам отличался и земский начальник 3 участка Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии С. П. Готов, который по словам губернатора, вышел в отставку в 1892 году «будучи сильным алкоголиком», не пользуясь благодаря отрицательным нравственным качествам доверием и уважением населения (13).

Улучшать репутацию института земских начальников и формировать позитивный социальный облик провинциального чиновничества помогало активное участие отдельных администраторов в местной общественной жизни. Многие чиновники привлекались земствами к работе по благоустройству деревни, к участию в различных совещаниях. Особенно заметной была деятельность земских начальников в рамках комитетов попечительства о народной трезвости. Они избирались председательствующими этих комитетов, становились участковыми попечителями, обеспечивая функционирование чаепитий «в целях предоставления народу проводить свободное время вне питейных заведений» (14, с. 24) и ведя непосредственную работу с населением на местах.

Гражданские качества чиновников ярко раскрывались в периоды военных кампаний. Так, во время русско-японской войны земские начальники Задонского уезда Воронежской губернии отчисляли ежемесячно в течение 1904 года из своего жалования 10 % на усиление русского военного флота (15, с. 2). В годы Первой мировой войны чиновники вели работу по организации помощи семьям запасных, мобилизованных в ряды войск. Так, земские начальники Воронежской губернии: 3 участка Воронежского уезда М. А. Вейсфлог и 2 участка Острогожского уезда В. А. Яковлев обеспечили в 1915 году своевременную уборку урожая семейств призванных (16). 31 июля 1914 года в сл. Калач Богучарского уезда начал функционировать комитет помощи семьям призванных по мобилизации и раненым воинам во главе с земским начальником 2 участка С. П. Розингом, который организовывал материальную помощь и выдачу продуктовых паев нуждающимся семьям слободы, вскоре открыл в Калаче госпиталь для 38 прибывших раненых (17, с. 21-22).

Многие управленцы проявляли активную деятельность по обеспечению хозяйственного благоустройства деревни. Так, по свидетельствам крестьян Тюковской и Песковской волостей Новохоперского уезда, благодаря действиям земского начальника 1 участка А.Д. Аршеневского искоренено пьянство на сходах, в участке возникли запасные хлебные магазины, пожарные сараи, здания сельских правлений и просторные и светлые школы, воздвигнута больница в с. Песках и строится в с. Тюковке (18, с. 3). В 1907 году местная пресса освещала прощание должностных лиц волостного и сельского управления 3 участка Коротоякского уезда со своим бывшим земским начальником Б.Д. Гаршиным, благодаря которому была организована пожарная дружина для пригородного населения; создано кредитное товарищество; благоустроено помещение волости (19, с. 2). Не менее восторженными были проводы крестьянами с. Турово в июне

1911 года к новому месту службы земского начальника 2 участка Нижнедевицкого уезда И.Э. Васьковского, благодаря которому в участке были устроены 6 пожарных дружин, организованы ссудо-сберегательные кассы, открыты почтовые отделения, некоторые дороги обсажены деревьями (20, с. 2).

Резюмируя, следует констатировать, что социальный портрет провинциального чиновника рубежа XIX-XX вв. в лице корпуса земских участковых начальников складывался на основе его непосредственной деятельности на местах, что свидетельствует о главенстве субъективного фактора в функционировании института. Должности земских начальников нередко занимали люди, не подготовленные к исполнению административно-судебных полномочий ни по уровню образования, ни по предыдущей службе. Как следствие, имелись случаи злоупотреблений, что в целом зачастую формировало негативный образ чиновника, являвшегося для населения олицетворением государственной власти.

Источники и литература:

1. Башкирева Н.В. Институт земских участковых начальников как орган административного управления и судебная инстанция в Российской империи конца XIX – начала XX вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 13 (84). Вып. 15. С. 160-167.
2. ГАВО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4482. Л. 13 об.
3. ГАВО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 781. Л. 3 об.
4. ГАВО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 2598. Л. 10 об.
5. ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 63. Л. 84-84 об.
6. Очерк последних беспорядков в сл. Евстратовке, Морозовке и хут. Колбине Острогожского уезда, составленный на основании конфиденциального сообщения начальника Воронежского губернского жандармского управления, рапортов уездного исправника и личных моих бесед на месте с помощником начальника ВГЖУ и и.д. Острогожского прокурора / публ. и предисл. М. Д. Карпачева ; коммент. А. Н. Акиньшина // Из истории Воронежского края : Сборник статей / Воронеж. гос. ун-т. Ист. фак.; Редкол.: А. Н. Акиньшин (отв. ред.) и др. Вып. 7. 1998. С. 185-225.
7. РГИА. Ф. 1291. Оп. 29. 1897 г. Д. 14. Л. 27.
8. РГИА. Ф. 1291. Оп. 29. 1897 г. Д. 14. Л. 27.
9. ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 299. Л. 12 об.
10. РГИА. Ф. 1291. Оп. 29. 1897 г. Д. 14. Л. 168-169.
11. ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1247. Л. 174.
12. ГАВО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 368, Л. 1-1 об.
13. РГИА. Ф. 1291. Оп. 30. 1891 г. Гр. В-II. Д. 29. Л. 63 об.
14. Отчет о деятельности Воронежского попечительства о народной трезвости за 1902 год. Воронеж : Типо-литография губ. правления, 1904. 100 с.
15. Воронежский телеграф. 1904. 25 фев. (№ 23).
16. ГАВО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 450. Л. 99-100.
17. В дни войны: вестник Воронежских организаций военного времени. 1916. №№ 9-10.
18. Воронежский телеграф. 1901. 17 авг. (№ 93).
19. Воронежский телеграф. 1907. 27 июля (№ 163).
20. Воронежский телеграф. 1911. 5 июля (№ 148).